

Литературный факт.
2024. № 3 (33)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (33), 2024

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-138-154>
<https://elibrary.ru/QNSMGM>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«...Я привык считать чем-то родным и близким» (Патриотический институт в жизни Н.В. Гоголя)

© 2024, И.А. Зайцева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается один из фрагментов петербургской биографии Н.В. Гоголя — его четырехлетнее пребывание на службе в Патриотическом институте (1831–1835 гг.). Очень важная сторона этой темы, документальная (определение в Институт, оформление отпусков, выплата жалования, увольнение), достаточно подробно раскрыта в давних и современных публикациях. Задача настоящего исследования иная — попытаться выяснить, какую роль тесная связь с этим учебно-воспитательным учреждением сыграла в творческой судьбе и повседневной жизни Гоголя первой половины 1830-х гг., насколько органичными для него оказались институтские принципы, традиции, атмосфера. К рассмотрению привлекается регулирующее действие «Положение» от 7 апреля 1827 г. Затрагиваются вопросы, касающиеся условий работы Гоголя, содержательных и формальных, — в соотношении с основной, творческой, составляющей его жизни. Предпринимается попытка реконструировать круг гоголевского общения в институтских стенах и кратко очертить фигуры людей, с которыми он общался или мог общаться. Среди них — не только достаточно знакомые лица (Н.М. Лонгинов, П.А. Плетнев), но и малоизвестные: Л.Ф. Вистингаузен, Г.П. Близначев, П.Н. Мысловский, И.Е. Яковлев. Предпринятая попытка воссоздания картины многолетнего пребывания Гоголя в Патриотическом институте рассматривается как один из способов изучения важного отрезка его биографии — в единстве житейской и творческой сторон.

Ключевые слова: Гоголь, биография, Петербург, Патриотический институт, преподавание, атмосфера, круг общения.

Информация об авторе: Ирина Аркадьевна Зайцева (1951–2024) — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2984-3779>

Для цитирования: *Зайцева И.А.* «...Я привык считать чем-то родным и близким» (Патриотический институт в жизни Н.В. Гоголя) // *Литературный факт.* 2024. № 3 (33). С. 138–154. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-138-154>

В разгар лета, 15 июля 1835 г., Гоголь, получив в Васильевке уведомление о предстоящем прекращении его службы в Патриотическом институте (где он занимал место учителя истории), писал В.А. Жуковскому: «А теперь докучаю вам просьбою: вчера я получил извещение из Петербурга о странном происшествии, что место мое в Пат.<риотическом> инст.<итуте> долженствует заместиться другим господином. Что для меня крайне прискорбно, потому что, как бы то ни было, это место доставляло мне хлеб, и притом мне было очень приятно занимать его, я привык считать чем-то родным и близким» [7, т. 10, с. 369]. Это скромное учительство по понятным причинам почти затерялось в тени университетских лекций Гоголя, хотя оказалось самой долгой из четырех его служб, продолжившись более четырех лет: с 10 марта 1831 по конец июля 1835 г.; с двумя отпусками по четыре месяца [2, с. 750–752, 754, 755¹], т. е. более половины всей петербургской жизни (до отъезда за границу). «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Арабески», «Миргород», — все эти книги принадлежали перу автора, служившего учителем истории в Патриотическом институте. К моменту Овыхода двух последних Гоголь параллельно уже состоял адъюнктом по кафедре истории в Императорском Санкт-петербургском университете. Формальная сторона его пребывания в Патриотическом институте (обстоятельства приема на службу, ее сроки, отпуска, награждения) в основном освещена давно — в работе Н.А. Белозерской, с воспроизведением документальных источников [2, с. 741–755]; см. также последующее представление тех же материалов с небольшими дополнениями [1, с. 271–277] и их современную публикацию, с частичной сверкой по автографам и прибавлением новых документов [5, с. 733–742]. В настоящей статье речь пойдет о другом: самом Институте, традициях и устройстве этого учебного заведения, царившей в нем атмосфере, условиях работы Гоголя и доставшемся ему кругу общения. Словом, мы попытаемся понять, что же это было за место, которое Гоголю, по его собственному признанию, «было очень приятно занимать» и которое он «привык считать чем-то родным и близким».

¹ *Шенрок В.И.* К биографии Н.В. Гоголя // *Русская старина.* 1902. Т. СХІ. Сентябрь. С. 651–652.

Мы можем быть уверены, что в этих признаниях нет случайных слов — он всегда очень точен в выражении своих предпочтений, чувств, ощущений.

Ко времени поступления Гоголя на службу Патриотический институт был уже вполне сложившимся учебно-воспитательным заведением. Его истории (восходящей к 1813 г. и подробно изложенной в исследовании А.Ф. Бардовского [1]) мы касаться не будем и обратимся сразу к тому ее этапу, когда Институт (с июля 1826 г.) оказался в числе учебных и благотворительных учреждений, состоявших под покровительством и управлением императрицы Александры Федоровны, а затем обрел регулирующий его деятельность документ («Положение» от 7 апреля 1827 г.) и окончательное наименование: Патриотический институт Комитета 18 августа 1814 г. [1, с. 37–39]. «Положение», регулирующее численность воспитанниц (всего 200), правила их приема (на казенном содержании — только «дочери заслуженных военных чинов, состоящих под покровительством» указанного комитета, на правах платных пансионеров — дочери чиновников из дворян, но при этом бывших в военной службе), порядок финансирования (на деньги указанного Комитета и проценты от пожертвованного императором капитала), интересует нас прежде всего той его стороной, которая касается собственно обучения и воспитания². Задача последнего была сформулирована в специальном параграфе: «Цель воспитания заключается в образовании воспитанниц: быть добрыми женами, попечительными матерями, примерными наставницам для детей и хозяйками, способными трудами своими и приобретенными искусствами доставлять самим себе и их семействам средства к существованию»³. Эта цель диктовала характер воспитания: «Посему предметы воспитания суть: а) Нравственность, основанная на Законе Божиим. б) Необходимые науки. в) Полезные рукоделия. г) Понятие о домашнем хозяйстве и порядке»⁴. Преподаваемые в институте науки: Закон Божий православной церкви, также протестантского и католического учения, для воспитанниц этих исповеданий, грамматическое познание языков российского, французского, немецкого, чистописание на оных и словесность, география и история всеобщая, древняя и новая,

² Полное собрание законов Российской империи: Собрание второе: в 55 т. С указателями. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 2. № 1012. С. 338–340.

³ Там же. С. 338.

⁴ Там же.

арифметика, искусства: рисование, «музыка на фортепиано», пение, танцевание и разные рукоделия⁵.

Воплощение этих педагогических принципов Гоголь наблюдал воочию и после семи месяцев службы в Институте с воодушевлением писал матери (9 октября 1831 г.): «Если бы вы знали <...> какие здесь превосходные заведения для девиц <...> Я не могу налюбоваться здешним порядком. Здесь воспитанницы получают сведения обо всем, что нужно для них, начиная от домашнего хозяйства до знания языков и опытного обращения в свете, и вовсе не выходят теми ветреными, легкомысленными девчонками, какими дарят другие институты, к числу которых можно причислить некоторые и здешние и даже Смольный монастырь. Два здешние института, Патриотический и Екатерининский, самые лучшие» [7, т. 10, с. 210]. Очевидно, что устройство институтской жизни пришлось Гоголю по душе, вполне отвечая его собственным представлениям об обучении воспитанниц.

К этому стоит добавить, что бытовая сторона жизни в Институте, судя по всему, была организована хорошо: он располагался в благоустроенном доме на Васильевском острове и был оборудован всем необходимым. Высочайше утвержденный штат института (с росписью годовых расходов) свидетельствует о наличии большого количества людей (около 60-ти), обеспечивающих достойную жизнь воспитанниц: классных дам 12, доктор, лазаретная надзирательница, ее помощница, горничных 14, надзирательница за чистотою комнат, работников кухни 9, прачек 15 и т. д. [1, с. 248–249]. Следует отметить, что на столовое содержание начальницы, каждой из классных дам и каждой воспитанницы выделялась одна и та же сумма: 50 копеек в день [1, с. 250].

Впечатления Гоголя от Института были столь хороши, что именно в него он решил определить своих сестер, и, не имея на то никаких оснований, к концу 1832 г. добился своего — ценой отказа от жалованья [2, с. 752–753]. С этого момента он еще глубже погрузился во все детали жизни воспитанниц и 8 февраля 1833 г. (на второй месяц пребывания сестер в Институте) с уверенностью писал матери: «Смотрение за ними как нельзя лучшее» [7, т. 10, с. 258].

Сам он наконец обрел возможность заниматься тем, что приносило радость. Новая служба представляла собой разительный контраст с прежней, в Департаменте уделов: «...вместо глупой, бестолковой работы, которой ничтожность я всегда ненавидел, — писал он матери

⁵ Там же. С. 339.

16 апреля 1831 г., — занятия мои (вероятно, не только педагогические, но и литературные. — *И.З.*) теперь составляют неизъяснимые для души удовольствия» [7, т. 10, с. 194]. Приступив к преподаванию старшим воспитанницам, Гоголь получил еще больше возможностей для реализации собственных педагогических идей.

О его неожиданном для учениц появлении в старших классах известно из воспоминаний одной из них: «Однажды, в свободный час, вошел к нам улыбающийся Плетнев и <...> представил нам бледного, белокурого молодого человека, с неизмеримым хохлом, с большим острым носом, с быстрыми карими глазами и с порывистыми, торопливыми движениями.

— Вот вам новый учитель истории, Н.В. Гоголь, прошу учиться у него так же хорошо, как у покойного Близначева...»⁶ (о последнем речь пойдет ниже).

Известно, что ученицы Гоголя пользовались тетрадками — для конспектов его лекций и восполнения пробелов читаемого им курса истории. Будучи в Москве летом 1832 г., Гоголь заинтересовал рассказами о своих институтских занятиях М.П. Погодина, записавшего в дневнике 11 июня – 7 июля 1832 г.: «Он рассказывал мне много чудес о своем курсе Истории в Патриотическом Институте женском в Петербурге. Из его воспитанниц нет ни одной не успевшей»⁷. О характере ученических конспектов отчасти можно судить из отзыва П.А. Плетнева в его письме М.П. Погодину от 3 октября 1832 г.: «Не думаю, чтобы тетради учениц Гоголя могли вам на что-нибудь пригодиться. Их рассказ уроков его очень приятен, потому что Гоголь останавливает внимание учениц больше на подробностях предметов, нежели на их связи и порядке. Я после вашего письма нарочно пересматривал эти тетради и уверился, что ученические записки все равны, т. е. с ошибками грамматическими, логическими...»; «Что касается до порядка в Истории или какого-нибудь придуманного Гоголем облегчения — этого ничего нет. Он тем же превосходит товарищей своих как учитель, чем он выше стал многих как писатель, т. е. силою воображения, которое под его пером всему сообщает чудную жизнь и увлекательное правдоподобие»⁸.

⁶ Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г. // Семейные вечера. Отдел для юношества или семейного чтения. 1873. Май. С. 162. Без подписи.

⁷ Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 кн. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891. Кн. 4. С. 114.

⁸ Там же.

Сам Гоголь от просьбы М.П. Погодина прислать какие-то из учебных тетрадок для ознакомления уклонился, представив в двух февральских письмах историку различные причины. 1 февраля 1833 г. он объяснял: «Журнальца, который ведут мои ученицы, я не посылаю, потому что они очень обезображены посторонними и чужими прибавлениями, которые они присоединяют иногда от себя из дрянных печатных книжонок, какие попадутся им в руки. Притом же я только такое подносил им, что можно понять женским мелким умом» [7, т. 10, с. 256]. Спустя три недели, 20 февраля 1833 г., была указана несколько иная причина: «Журнала девиц я потому не посылал, что приводил его в порядок, и его-то, совершенно преобразовавши, хотел я издать под именем *Земля и Люди*» [7, т. 10, с. 262].

Замысел остался неосуществленным, тетрадки воспитанниц, вероятнее всего, не сохранились. Тем не менее некоторое представление о гоголевском курсе истории в Патриотическом институте составить можно. Педагогическая практика Гоголя в большой мере была основана на принципах, впоследствии означенных им в статье «План преподавания всеобщей истории»⁹ (в сборнике «Арабески» под названием: «О преподавании всеобщей истории», конец 1833 – начало января 1834 г. [8, т. 3, с. 566]). Такой вывод вытекает из сопоставления некоторых позиций этой статьи (в приведенных ниже примерах расположены слева) с отдельными фрагментами упомянутых выше «Записок институтки» (в приведенных ниже примерах расположены справа):

Раскрытие промысла, «механизма истории», на основе представления тех событий, которые определяли ее движение, без описания происшествий, которые не произвели влияния на мир [8, т. 3, с. 33–34, 36]

«Интерес необходимо должен быть доведен до высочайшей степени...»; педагог «должен в высочайшей степени овладеть вниманием слушателей» [8, т. 3, с. 33, 35]

Забвение хронологических таблиц, приверженность к «исторической критике» («...философия взяла перевес над простым знанием событий...»), связанная с этим отрывочность изложения¹⁰.

Необходимость увлечь учащихся, обеспечив «наглядность, живость представления»

⁹ Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Ч. 1. № 2. Февраль. Отд. 2. С. 189–209.

¹⁰ Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г. // Семейные вечера. Отдел для юношества или семейного чтения. 1873. Май. С. 163.

¹¹ Там же. С. 165.

Целостное и стройное представление мира, сродни поэтической картине: «...составить одну величественную полную поэму» [8, т. 3, с. 33].

«Рассказы Гоголя были такие импровизации даровитого поэта...»¹².

Конечно, нельзя забывать, что указанная статья была ориентирована уже на более высокий, университетский, уровень занятий, но главные особенности гоголевской манеры преподавания, судя по приведенным параллельным примерам, сформировались уже в первые годы службы в Патриотическом институте и, вероятно, не без влияния педагогической практики в старших классах¹³. Гоголь, как видно из его письма матери от 16 апреля 1831 г. уже через месяц работы почувствовал, что добивается успеха: «Вся выгода в том, что я теперь немного больше известен, что лекции мои мало по малу заставляют говорить обо мне...» [7, т. 10, с. 194].

Сами воспитанницы старших классов тоже во многом могли оценить достоинства доставшегося им удивительного учителя: «Гоголь был то доверчив, то скрытен и подозрителен; но несмотря на это, его любили за редкое искусство говорить и за несравненные, только что вышедшие тогда, *Вечера на хуторе*. <...> его любили, а говоря институтским слогом, — обожали, но считали его сторонним. <...> он оставил по себе память какого-то блестящего метеора, осветившего небывалым, причудливым светом, тихо, спокойно трудящееся заведение»¹⁴.

Занятость Гоголя, по сравнению с предыдущей службой (в Департаменте уделов), сократилась в семь раз: «...вместо 42-х часов в неделю, — писал он матери 16 апреля 1831 г., — я занимаю теперь 6...» [7, т. 10, с. 194]. Здесь идет речь о первоначальной нагрузке при поступлении на службу — в качестве учителя истории в младших классах; позднее Гоголь начал преподавать в старших классах, где число часов увеличилось до 12-ти [2, с. 755]. По свидетельству слуги, Якимя Немченко, Гоголь ходил на службу два раза в неделю, большей частью пешком¹⁵ [6, с. 82].

¹² Там же.

¹³ Близких принципов обучения Гоголь придерживался в частных уроках (см.: [10, с. 207–211]).

¹⁴ Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г. // Семейные вечера. Отдел для юношества или семейного чтения. 1873. Май. С. 166.

¹⁵ Горленко В. Миргород и Яновщина // Русский архив. 1893. № 3. С. 304.

Все это позволило внести размеренность в творческие занятия, о чем Гоголь не преминул с радостью сообщить матери в упомянутом письме: «Но между тем занятия мои, которые еще большую принесут мне известность, совершаются мною в тиши, в моей уединенной комнатке: для них теперь времени много» [7, т. 10, с. 194]. Мы уже упоминали, что за время службы в институте вышли «Вечера...», «Арабески», «Миргород», не говоря уже о публикациях в периодических изданиях. Сам факт столь плодотворной творческой работы свидетельствует о благотворных для автора условиях и обстоятельствах.

В процитированном выше письме Жуковскому, упоминая о своей службе в Институте, Гоголь признается: «...это место доставляло мне хлеб». «Хлеб» был не очень велик: при поступлении учителем истории «в двух отделениях младшего класса» 400 рублей в год, с началом преподавания в старших классах — 1200 рублей в год [2, с. 750, 753, 755; 1, с. 50, 61; 5, с. 735]. Более трех лет (с марта 1831 г. до середины лета 1834 г.) это был единственный стабильный заработок Гоголя.

В институте Гоголь, разумеется, попал в новую среду — своего рода дом, со своими установлениями, традициями, атмосферой. Первое гоголевское упоминание Института, в письме матери от 16 апреля 1831 г., поначалу кажется настораживающим и как будто рассчитанным на то, чтобы произвести на нее впечатление: «Государина приказала читать мне в находящемся в ее ведении институте благородных девиц» [7, т. 10, с. 194]. В действительности все здесь точно соответствует упомянутому «Положению»: Институт состоял «в непосредственном управлении» императрицы Александры Федоровны, прием сотрудников на службу, увольнение, награждение и т. д. — все это зависело только от ее воли (со всеми хорошими и сложными, как увидим ниже, последствиями), на документе о приеме Гоголя в Институт стоит резолюция: «Ее императорское величество, соизволяя на сие представление, повелевает допустить г. Гоголя к преподаванию. 9 февраля 1831» [2, с. 750]. Императрица периодически приезжала в Институт. Приходилось ли Гоголю ее видеть, неизвестно. Во всяком случае в сохранившихся письмах матери он ни разу об этом не упоминает. За время службы Гоголь дважды мог стать очевидцем выпускных мероприятий: в 1832 и 1834 гг. В 1834 г. они были особенно торжественными: императрица посетила ряд экзаменов (часть пропустила по болезни), 17 января по ее приглашению в Институт приезжал Николай I и другие члены царской семьи, 21 января она присутствовала на

выпускном акте¹⁶ [1, с. 60–61]. По случаю выпуска 1834 г. Гоголь в числе других преподавателей был отмечен: «...в награду отличных трудов пожалован от ее императорского величества бриллиантовым перстнем» (9 марта 1834 г.)¹⁷.

Судя по упомянутым выше воспоминаниям, отношения между Гоголем и его ученицами носили доверительный, домашний характер. Известно, что во время эпидемии холеры летом 1831 г. (в период строгой изоляции), Гоголь приходил к Институту и стоял под окнами: «Раза два видели Гоголя, который смотрел в окно и, завидев детей, весело кивал им головой, потом, накинув на нескончаемый хохол шляпу, бежал своей неровной походкой к набережной»¹⁸. Они, в свою очередь беспокоились о нем. В упомянутых «Записках институтки» отмечено, что инспектор П.А. Плетнев, обходя классы после возобновления занятий, на вопрос воспитанниц о Гоголе «весело отвечал»: «Он, слава Богу, здоров <...> и скоро придет к вам»¹⁹.

Спустя несколько лет не слишком лестное мнение о выпускнице института благородных девиц и, главное, о ее вероятном будущем было высказано от лица Чичикова: «Она теперь как дитя, все в ней просто, она скажет, что ей вздумается, засмеется, где захочет засмеяться. Из нее все можно сделать, она может быть чудо, а может выйти и дрянь, и выйдет дрянь! Вот пусть-ка только за нее примутся теперь маменьки и тетушки. В один год так ее наполнят всяким бабьем, что сам родной отец не узнает. Откуда возьмется и надутость, и чопорность, станет ворочаться по вытверженным наставленьям, станет ломать голову и придумывать, с кем, и как, и сколько нужно говорить, как на кого смотреть, всякую минуту будет бояться, чтобы не сказать больше, чем нужно, запутается наконец сама, и кончится тем, что станет наконец врать всю жизнь, и выйдет просто черт знает что!» [8, т. 7, кн. 1, с. 88–89]. Запечатленный в памяти Гоголя эфемерно-чистый образ институтки лишь ненадолго осветил повествование в «Мертвых душах» своей белизной и прозрачностью («Хорошенький овал лица <...> белел какою-то прозрачною белизною...», «...что-то похожее на виденье...», «...она только одна белела и выходила прозрачною и светлою из мутной и непрозрачной толпы»

¹⁶ Северная пчела. 1834. 8 марта. № 53. С. 209–211.

¹⁷ *Шенрок В.И.* К биографии Н.В. Гоголя // Русская старина. 1902. Т. СХI. Сентябрь. С. 652 (см. также: [1, с. 61]).

¹⁸ Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г. // Семейные вечера. Отдел для юношества или семейного чтения. 1873. Март. С. 278, 283.

¹⁹ Там же. С. 283.

[8, т. 7, кн. 1, с. 86, 87, 159]), почти мгновенно трансформировавшись в одностороннюю функциональную фигуру в системе персонажей поэмы: блондинка и губернаторская дочка.

Помимо детского и девичьего общества Гоголь соприкоснулся более или менее тесно и с руководством и преподавательским составом Института. Это учебно-воспитательное учреждение, как и другие, находившиеся под покровительством и управлением императрицы Александры Федоровны, состояло в непосредственном ведении Николая Михайловича Лонгинова, высокопоставленного сановника, с 1826 г. — статс-секретаря «у принятия прошений» на высочайшее имя приносимых²⁰.

Так случилось, что Гоголь познакомился с ним еще до начала работы в Патриотическом институте, определившись частным учителем к сыновьям Лонгиновых. По воспоминаниям одного из них, Михаила, Гоголь относился к Лонгинову с некоторым стеснением: «Гоголь, так скоро и легко сделавшийся коротким знакомым матушки, которой говорил часто о своих литературных занятиях, надеждах и проч., никак не мог победить какой-то робости в отношении к моему покойному отцу. Причину этому должно полагать то, что он никак не мог отделить отношений своих как доброго знакомого от мысли о подчиненности <...>. Черта довольно оригинальная, потому что все знавшие покойного моего отца могут засвидетельствовать, что он с своей стороны никогда не подавал подчиненным повода не только робеть перед ним, но и всячески заставлял, вне служебных отношений, забывать, что он начальник. Но такова уже была странность Гоголя. При отце он, например, ни слова почти не говорил о литературе, хотя предмет этот, как известно, всегда занимал Гоголя»²¹ [6, с. 73]. Известно одно письмо Гоголя Н.М. Лонгинову от 9 июня 1832 г. с просьбой об отпуске, в котором дважды фигурируют обращения «милостивый государь» и дважды «ваше превосходительство» [7, т. 10, с. 233]. Характерно, что спустя три года, снова хлопоча об отпуске, Гоголь в письме Г.А. фон Шверину, упоминает о Лонгинове без всяких регалий, дважды называя его просто «Николай Михайлович» [7, т. 10, с. 364].

²⁰ Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1832 год. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1832. Ч. 1. С. 19, 85, 291, 418, 710; *Гельвих Ал.* Лонгинов, Николай Михайлович // Русский биографический словарь. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1914. Т. 10. С. 631–632.

²¹ *Лонгинов Мих.* Воспоминание о Гоголе (по поводу опыта его биографии) // Современник. 1854. Т. XLIV. № 3. Отд. II. С. 88.

Следующей в иерархии института была его руководительница. Упоминание о ней в гоголевских письмах однократное, но очень значимое — сообщая матери 8 февраля 1833 г. о жизни сестер в институте, Гоголь отмечал: «Начальница их редкая женщина» [7, т. 10, с. 258]. Это была Луиза Федоровна Вистингаузен (Вистенгаузен), посвятившая Патриотическому институту много лет (1819–1847) и обладавшая безупречной репутацией. В воспоминаниях одной из учениц запечатлена повседневная деятельность Вистингаузен, с описанием бесконечного круга принятых ею на себя забот: успевала за всем смотреть, обедала с воспитанницами, хорошо знала каждую, относилась ко всем одинаково (независимо от происхождения), следила за их здоровьем и настроением, ухаживала за больными²². Гоголь вступил в Патриотический институт в 1831, холерный, год. На время эпидемии занятия прервали. Единственной заботой было сохранение жизни воспитанниц, и Луизе Федоровне удалось уберечь их всех. На своем посту она и скончалась. В краткой некрологической заметке о ней было написано проникновенно: «Смерть постигла ее внезапно среди общепользующей деятельности в заведении, бывшем в течение тридцати лет предметом неутомимых ее трудов и попечения. Память добра и пользы, оказанных ею в продолжение семидесятидвухлетней жизни, конечно, исторгнет слезы умиления и благодарности и у всех ее знавших, не в одном Петербурге»²³.

О взаимоотношениях Гоголя и Вистингаузен мы практически ничего не знаем. Это была строгая дама, приверженная дисциплине и твердым правилам. Отступление от них было для нее неприемлемым, это касалось, в частности, и Гоголя. Он не раз уклонялся от установленного в Институте строгого распорядка, пользуясь защитой инспектора классов П.А. Плетнева: «...не досиживая своих часов, бросал урок и уходил; иногда неделями не являлся, и ему это спускали, ради Плетнева»²⁴. Л.Ф. Вистингаузен в таких случаях «укоризненно говаривала инспектору»: «Мне кажется, вы балуете Гоголя; носитесь с ним, как с сырым яичком!», на что Плетнев уве-

²² Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г. // Семейные вечера. Отдел для юношества или семейного чтения. 1873. Апрель. С. 19–25.

²³ Санкт-Петербургские ведомости. 1847. 23 июля. № 165. С. 747; то же: Северная пчела. 22 июля. № 164. С. 654; то же, с неточностями: [1, с. 84].

²⁴ Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г. // Семейные вечера. Отдел для юношества или семейного чтения. 1873. Май. С. 165.

рля ее в том, что Гоголю нужно дать срок: «...он выровняется, из него выйдет отличный учитель!»²⁵

Возможно, именно недовольство Вистингаузен подобными ситуациями привело к тому, что в 1835 г. служба Гоголя в Институте оборвалась. К этому вопросу мы еще вернемся.

В чередке начальников Гоголя — последний, но ближайший к нему во всех отношениях, — уже упомянутый Петр Александрович Плетнев. Долгие годы он служил в Патриотическом институте преподавателем русской словесности (с 1814 г. до 4 февраля 1829²⁶) и истории (1820–1823), с 4 февраля 1829 г. на вновь утвержденной должности — инспектора классов [9, с. 636–639].

Роль Плетнева в жизни Гоголя, особенно в его первые петербургские годы, — тема особая. Любые слова, даже самые высокие, окажутся здесь недостаточными. Лучшими, как кажется, останутся сказанные Кулишом: «Он (Гоголь. — *И.З.*) достал от кого-то рекомендательное письмо к В.А. Жуковскому, который сдал молодого человека на руки П.А. Плетневу, с просьбою позаботиться о нем»²⁷. Вот это «сдал на руки», несмотря на краткость формулировки, раскрывает суть дела. Своих рук Плетнев не опустил — они оказались для Гоголя пожизненной поддержкой, в начале пути — бесценной. Благодаря участию Плетнева Гоголь попал в Патриотический институт, что нашло отражение в официальном документе: «Так как Г. Инспектор Классов, рекомендуя сего чиновника, свидетельствует о его способностях и благонадежности...» [5, с. 733]. Плетнев не только обладал высокой репутацией, но пользовался привязанностью воспитанниц: «Мы любили и уважали, — вспоминала одна из них, — своего инспектора П.А. Плетнева; по обязанности он наблюдал за ходом учения и за способом преподавания, но как человек душевный, Плетнев не мог ограничиться одним только научным развитием, его занимало все касающееся детей...»; «Каждый малейший рассказ носил отпечаток спокойной, правдивой и отчасти поэтической природы его. — Спокойно-пытливым взглядом смотрел он в души и, казалось, наперед знал все наши ответы»; «Преимущественно, он следил у нас за русским языком и словесностью, так, что когда учитель сменялся, то он сам заменял его до приискания

²⁵ Там же.

²⁶ В другом источнике фигурирует как преподаватель словесности (русского языка) по 1833 г., что, вероятно, отражает работу Плетнева в качестве педагога, заменяющего коллег [1, с. 234].

²⁷ <Кулиш П.> Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: в 2 т. СПб., 1856. Т. 1. С. 84.

нового»²⁸. В сложных ситуациях (как видно из приведенной выше цитаты) Плетнев был заступником Гоголя пред лицом строгой Л.Ф. Вистингаузен, однако как минимум однажды он все-таки не выдержал. Это случилось в 1832 г., когда уехавший в отпуск на 30 дней Гоголь вернулся на службу через четыре месяца без предупреждения [7, т. 10, с. 233; 2, с. 751–752]. 8 декабря 1832 г. Плетнев высказал свое возмущение даже в письме В.А. Жуковскому: «Кстати о чадах Малороссии. Гоголь нынешним летом ездил на родину. Вы помните, что он в службе и обязан о себе давать отчет. Как же он поступил? Четыре месяца не было про него ни слуху ни духу» [11, т. 3, с. 522]. При этом, именно Плетнев пытался предотвратить неожиданное увольнение Гоголя во время его отпуска в 1835 г., отправив предупредительное письмо.

Следует упомянуть еще о некоторых преподавателях Патриотического института, с которыми Гоголь за долгие месяцы службы наверняка пересекался, а возможно и общался. Один из них, Гавриил Павлович Блинецов, упоминается в письме Гоголя А.С. Данилевскому от 2 мая 1831 г.: «...бедный Блинецов сошел с ума» [7, т. 10, с. 199]. Эти строчки всесторонне прокомментированы в исследовании Н.Л. Виноградской: восстановлена биография этого питерского преподавателя (служившего в 1831 г. учителем истории старших классов в Патриотическом институте и географии в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров); приведены отзывы о его уроках (в том числе по архивным источникам); раскрыта история его душевного заболевания (чему предшествовало избиение воспитанниками Школы); установлены дата отстранения от службы в Школе (11 мая 1831 г.) и возможная дата кончины — осень 1831 г. [4, с. 353–356]. Если Гоголь и успел пересечься с Блинецовым в Патриотическом институте, то, вероятнее всего, в самом начале своей службы, весной 1831 г.

С большой долей уверенности можно сказать, что Гоголь не только общался с преподавателями Института, но имел представление о программе их уроков. Так, 15 (27) октября (?) 1838 г. из Рима он писал обучающимся в Патриотическом институте сестрам Анне и Елизавете: «Мне вам уже, верно, нечего рассказывать о Риме. Вы всё, я думаю, о нем узнали от Посникова. Ведь вы, я думаю, прошли, давно уже Италию. Вы, я думаю, уже знаете, что Рим — самый старинный город в Европе, что построен он на семи холмах, что дома

²⁸ Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г. // Семейные Вечера. Отдел для юношества или семейного чтения. 1873. Апрель. С. 15, 16.

самые неровные между собою» [7, т. 11, с. 176]. Упомянутый здесь педагог — И.Ф. Постников, старожил Патриотического института: в 1820–1829 гг. — учитель истории, в 1820–1847 гг. — математики и географии [1, с. 235].

Вероятно, Гоголь пересекался и с учителем Закона божьего в старших классах Петром Николаевичем Мысловским (в Патриотическом институте в 1829–1846 гг. [1, с. 50, 234]), протоиереем Казанского собора, известным священнослужителем, принимавшим исповеди у декабристов. Интерес к живописи мог связывать Гоголя с преподавателем рисования, академиком Иваном Еремеевичем Яковлевым (в Патриотическом институте в 1828–1843 гг. [1, с. 50, 235–236]). Таким был педагогический коллектив этого учреждения для благородных девиц: с преподавателем истории Гоголем, инспектором классов Плетневым, одним из известнейших духовных лиц Петербурга в качестве учителя Закона божьего, академиком в роли учителя рисования²⁹.

Гоголь сохранял живой интерес к Патриотическому институту, пока в нем учились его сестры Анна и Елизавета. В письме к ним от 15 (27) октября (?) 1838 г., примерно за год до окончания их обучения, он продолжал расспрашивать об этой дорогой для него обители: «Да вы мне ничего не рассказываете о том, что у вас делается. Ведь у вас много перемен — не правда ли? Я думаю, новые учителя. Да расскажите мне что-то-нибудь о Плетневе. Так же ли он бывает у вас часто и по-прежнему ли любим всеми?» [7, т. 11, с. 176].

Эти теплые строки написаны примерно через три года после увольнения Гоголя из Патриотического института. Счастливая история его службы закончилась внезапно³⁰. В середине четырехмесячного отпуска (май–август 1835 г.) он неожиданно получил уведомление об увольнении. Кем оно было инициировано, неизвестно. Официальный документ от 25 июня 1835 г. с предложением взять на место Гоголя другого преподавателя был написан Л.Ф. Вистингаузен на имя Н.М. Лонгинова. Причина подобной замены была обозначена довольно расплывчато: «По случаю отсутствия из С.-Петербурга учителя истории в Патриотическом институте Гоголя-Яновского, который, будучи одержим болезнью, может пробыть в отпуске весьма долгое время и тем поставить институт в затруднение, ибо должность его остается никем не занятою...» [2, с. 755]. Вероятнее

²⁹ Полный список сотрудников см.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1835 год. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1835. Ч. 1. С. 825.

³⁰ Высказано предположение, что «к этому времени относится появление у Гоголя мысли о заграничном путешествии» [3, с. 417].

всего, Вистингаузен сочла гоголевский отпуск слишком длинным и имеющим негативные последствия для обучения воспитанниц, припомнила и прежние нарушения дисциплины (о которых шла речь выше), однако представление этого вопроса на рассмотрение императрице, конечно, зависело только от Лонгинова, и он дал ход делу, получив 29 июля 1835 г. необходимую резолюцию: «Ее Императорское Величество повелеть соизволила представление сие привести в исполнение» [1, с. 277].

Расставание с Патриотическим институтом — скорее эпилог истории гоголевского пребывания в нем. Ее настоящий итог — это четыре года службы, приносящей «неизъяснимые для души удовольствия», пребывание в институте-доме, с его традициями и благожелательной атмосферой, среди глубоко преданных своему делу людей, и — самое главное — ставшее возможным именно тогда и в тех условиях стремительное возрастание гоголевского таланта.

Литература

1. *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт: Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 г. / сост. по поручению Совета Патриотического института инспектор классов Института А.Ф. Бардовский. СПб.: Тип. т-ва Е. Вейерман и К^о, 1913. 287 с.
2. *Белозерская Н.А.* Николай Васильевич Гоголь, служба его в Патриотическом институте. 1831–1835 // Русская старина. 1887. Т. LVI. Декабрь. С. 741–755.
3. *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2. 671 с.
4. *Виноградская Н.Л.* Гоголь и Школа юнкеров (Из комментария к письмам Гоголя А.С. Данилевскому) // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 3. С. 340–363. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-340-363>
5. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. / изд. подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1. 902 с.
6. Гоголь в воспоминаниях современников / ред. текста, предисл. и коммент. С.И. Машинского. М.: ГИХЛ, 1952. 719 с.
7. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. [М.; Л.]: АН СССР, 1937–1952.
8. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 23 т. М.: Наука, 2009. Т. 3. 1016 с.
9. *Горбенко Е.П., Розин Н.П.* Плетнёв Петр Александрович // Русские писатели. 1800–1817. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 636–639.
10. *Манн Ю.* Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М.: Аспект Пресс, 2004. 814 с.
11. *Плетнев П.А.* Сочинения и переписка: в 3 т. / по поручению 2-го отделения Имп. Акад. наук издал Я.К. Грот. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885.

“...I’m Used to Considering It Something Close and Dear” (Patriotic Institute in N.V. Gogol’s Life)

© 2024. Irina A. Zaitseva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article examines one of the fragments of N.V. Gogol’s St. Petersburg biography — his four-year service at the Patriotic Institute (1831–1835). A principle aspect of this topic, the documentary one (assignment to the Institute, registration of leave, payment of salaries, dismissal), is disclosed in sufficient detail (although not entirely due to the loss of sources) in ancient and modern publications. The purpose of this study is different — to try to find out what role a close connection with this educational institution played in the creative destiny and everyday life of Gogol in the first half of the 1830s, how organic the institute’s principles, traditions, and atmosphere turned out to be for him. The article considers “Regulation” — a document regulating the activities of the Institute of April 7, 1827. The research touches upon issues related to Gogol’s substantive and formal working conditions in correlation with the crucial creative component of his life. The article attempts to reconstruct Gogol’s circle of communication within the institute walls and briefly outlines the figures of the people with whom he communicated or could communicate. Among them are notable faces (N.M. Longinov, P.A. Pletnev) and little-known ones (L.F. Wistinghausen, G.P. Bliznetsov, P.N. Myslovsky and I.E. Yakovlev). An attempt to reconstruct the picture of Gogol’s many years of stay at the Patriotic Institute appears as one of the ways to study a significant period of his biography — in the unity of his everyday and creative sides.

Keywords: Gogol, biography, St. Petersburg, Patriotic Institute, teaching, atmosphere, social circle.

Information about the author: Irina A. Zaitseva (1951–2024), PhD in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2984-3779>

For citation: Zaitseva, I.A. “...I’m Used to Considering It Something Close and Dear” (Patriotic Institute in N.V. Gogol’s Life).” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 138–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-138-154>

References

1. Bardovskii, A.F. *Patrioticheskii institut: Istoricheskii ocherk za 100 let. 1813–1913 g.* [*Patriotic Institute: Historical Sketch of 100 Years. 1813–1913*], comp. by order of the Council of the Patriotic Institute, inspector of the Institute’s classes A.F. Bardovsky. St. Petersburg, Tipografiia tovarishchestva E. Veerman i K^o Publ., 1913. 287 p. (In Russ.)

2. Belozerskaia, N.A. “Nikolai Vasil’evich Gogol’, sluzhba ego v Patrioticheskom institute. 1831–1835” [“Nikolai Vasilyevich Gogol and His Service at the Patriotic Institute. 1831–1835”]. *Russkaia starina*, vol. 56, December, 1887, pp. 741–755. (In Russ.)

3. Vinogradov, I.A. *Letopis’ zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia (1809–1852). Nauchnoe izdanie: v 7 t.* [Chronicle of the Life and Work of N.V. Gogol (1809–1852). Scientific Publication: in 7 vols.], vol. 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 671 p. (In Russ.)

4. Vinogradskaia, N.L. “Gogol’ i Shkola iunkerov (Iz kommentarii k pis’mam Gogolia A.S. Danilevskomu)” [“Gogol and the School of Calvary Junkers (From the Commentary on Gogol’s Letters to A.S. Danilevsky)”]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 340–363. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-340-363> (In Russ.)

5. *Gogol’ v vospominaniiakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov: Polnyi sistematicheskii svod dokumental’nykh svidetel’stv. Nauchno-kriticheskoe izdanie: v 3 t.* [Gogol in Memoirs, Diaries, and Correspondence of Contemporaries: A Complete Systematic Collection of Documentary Evidence. Scientific Critical Edition: in 3 vols.], vol. 1, ed. prep. I.A. Vinogradov. Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 902 p. (In Russ.)

6. *Gogol’ v vospominaniiakh sovremennikov* [Gogol in the Memoirs of Contemporaries], text ed., foreword and comm. by S.I. Mashinskii. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1952. 719 p. (In Russ.)

7. Gogol’, N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [Complete Works: in 14 vols.]. [Moscow, Leningrad], Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1937–1952. (In Russ.)

8. Gogol’, N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 23 t.* [Complete Works: in 23 vols.], vol. 3. Moscow, Nauka Publ., 2009. 1016 p. (In Russ.)

9. Gorbenko, E.P., and N.P. Rozin. “Pletnev Petr Aleksandrovich” [“Pletnev Petr Alexandrovich”]. *Russkie pisateli. 1800–1817. Biograficheskii slovar’* [Russian Writers. 1800–1817. Biographical Dictionary], vol. 4. Moscow, Bol’shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1999, pp. 636–639. (In Russ.)

10. Mann, Iu. *Gogol’. Trudy i dni: 1809–1845* [Gogol. Works and Days: 1809–1845]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2004. 814 p. (In Russ.)

11. Pletnev, P.A. *Sochineniia i perepiska: v 3 t.* [Writings and Correspondence: in 3 vols.], publ. by Ia.K. Grot by order of the 2nd section of the Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1885. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 06.06.2024
Одобрена после рецензирования: 23.06.2024
Дата публикации: 25.09.2024

The article was submitted: 06.06.2024
Approved after reviewing: 23.06.2024
Date of publication: 25.09.2024